

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

Анна Ахматова в мемуарах Ирины Одоевцевой

Самый точный эпитет, который можно приложить к репутации знаменитой мемуарной книги Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» — *двусмысленная*. С одной стороны, нет, кажется, ни одного серьезного биографического исследования о Гумилеве, Ахматовой, Георгии Иванове, Мандельштаме или об истории петроградского «Дома искусств», где бы эта книга не цитировалась. С другой стороны, цитаты почти в обязательном порядке сопровождаются примечаниями — «Если верить Одоевцевой...», «Нужно предупредить, что далеко не всему в этих воспоминаниях следует доверять...», «В лживых мемуарах Одоевцевой...» и прочими, в том же духе.

Очевидно, что единственный надежный способ определить степень достоверности сведений, сообщаемых в книге «На берегах Невы» — это составление возможно более подробного аналитического комментария к ней с привлечением всех имеющих отношение к делу свидетельств современников, газетных и журнальных статей 1910-х — начала 1920-х г., дневниковых записей, писем и других документов эпохи. Отдаленным подступом к такому комментарию правомерно будет счесть нижеследующую заметку, в которой мы попробуем проанализировать финальные страницы книги Одоевцевой, посвященные созданию образа Анны Андреевны Ахматовой.

Именно ей, хотя не только ей¹, воспоминания Одоевцевой обязаны своей дурной славой. По-видимому, у Ахматовой была возможность по эмигрантским изданиям прочесть некоторые мемуарные очерки, позднее составившие основу книги «На берегах Невы», в частности, те фрагменты, где со слов Гумилева рассказывалось о его непростых отношениях с Анной Горенко в период их брака. Парижская «Русская мысль» напечатала эти фрагменты в номерах от 5, 12, 19 и 26 сентября 1964 г. Резонно предположить, что кто-нибудь ознакомил поэтессу с их содержанием во время ее поездки в Италию в декабре того же года. С тех пор Ахматова не раз чрезвычайно резко и темпераментно высказывалась о младшей современнице в беседах с друзьями, а затем ее высказывания, обладавшие силой окончательного и не подлежавшего обжалованию приговора, доводились до более широкого круга читателей и почитателей русской поэзии начала XX в. «Возможно, — отмечает Р. Д. Тименчик, — какой-то конспект одного из повторяющих-

ся ахматовских монологов дошел» и «до некоторых русских парижан. 13 февраля 1965 г. Глеб Струве спрашивал у Р. Гринберга: «Слыхали ли Вы о том, что в Париже по рукам ходит письменный протест А<нны> А<ндреевны> А<хматовой> против воспоминаний Одоевцевой о Гумилеве и его отношениях с нею, А<хматовой>? До меня этот слух дошел не из Парижа, а оттуда мне никто об этом не писал»².

Одоевцева хорошо знала Гумилева, «но потом почему-то взбесилась и возвела на него напраслину. И знала-то она его всего один год». Так старшая поэтесса судила младшую в разговоре с Л. К. Чуковской³. «Бывают... воспоминания бредовые, вроде как у мегаломанки Одоевцевой». Так под влиянием разговоров с Ахматовой говорил о книге «На берегах Невы» В. С. Муравьев⁴. Еще более яростные суждения об Одоевцевой и ее роли в посмертной судьбе Гумилева находим в ахматовских записных книжках: «Примерно половина этой достойной шайки (Струве...) честно не представляют себе, чем был Г<умиле>в, другие, вроде Веры Невед<омской>, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительств<енный> тон, третьи сознательно и ловко передергивают (Г. Ив<анов>). Ярость Одоевцевой уже совсем непонятна»⁵. Или: «Ни Одоевцева, ни Оцуп Петербурга и не нюхали. Они появились в <19>19 г., когда все превратилось в свою противоположность и, во-первых, все уехали. Если Од<оевцева> и Оц<уп> дожили до начала нэп'а — это не меняет дела. Нэп был дьявольской карикатурой на 10-е годы»⁶. Приведем также разнообразные вариации полюбившегося Ахматовой суждения, направленного против мемуаров Одоевцевой, В. Неведомской и А. Гумилевой: «Г<умиле>ва нам описывают три дементные и ничего не помнящие старухи. (А. А. Г<умиле>ва, Вера Неведомская и Ирина Одоевцева)»⁷; «Три безумные старухи (А. А. Гумилева, Вера и Одоевцева). Это не конкурс красоты»⁸; «...верить трем дементным старухам (А. А. Гумилевой, В. А. Неведомской, И. Одоевцевой), все забывшим, все мощно опошляющим и еще сводящим какие-то свои темные счета...»⁹. Напомним в скобках, что Одоевцева была младше Ахматовой более чем на пять лет.

Авторше «На Берегах Невы», в свою очередь, трудно было примириться с теми злыми словами о Георгии Иванове, которые она нашла в воспоминаниях Ахматовой о Мандельштаме, опубликованных в альманахе «Воздушные пути». «Об Ахматовой я сначала не хотела писать, — признавалась Одоевцева В. Ф. Маркову в письме от 20 августа 1966 г., — так как она гнусно поступила по отношению к Жоржу в “Воздушных путях”, выставив его каким-то вралем, хвастающимся

своей вымышленной близостью с Гумилевым и с ней. Оскорбилась же она тем, что Жорж в “Петербургских зимах” ее недостаточно превознес и даже посмел помянуть о поданной ей прохожим копейке — по рассказу Ольги Судейкиной. Но раз она умерла — то какие могут быть с нею счеты?»¹⁰.

В итоге Одоевцева все-таки завершила «На берегах Невы» медалью автора «Четок» и «Поэмы без героя», причем у мемуаристки хватило здравого смысла и тактической сметки прибегнуть к жесткой автоцензуре и в книжном варианте удержаться от хулы в адрес Ахматовой¹¹. Более того, из воспоминаний Одоевцевой было тщательно вычищено почти все, что могло восприниматься смелливым читателем как скрытая женская месть старшей современнице. Так, в газетном варианте «ахматовского» фрагмента книги «На берегах Невы» Гумилев причитал, обсуждая с Одоевцевой Владимира Шилейко: «Почему Анна Ахматова выбрала именно самого неподходящего из всех своих поклонников, самого невозможного <...> Ах, до чего мне жаль Анну Андреевну!»¹². В книжном это место было убрано, а в ответ на «простодушный» вопрос Одоевцевой: «...она, кажется, уже хочет разводиться с ним?» [478],¹³ Гумилев отрубал: «Об этом мне ничего не известно. А вам советую не слушать вздорные слухи. И не повторять их» [479].

Единственное, что Одоевцева себе позволила в книжном варианте «На берегах Невы» — это исподволь, но последовательно и отчетливо противопоставить образу Ахматовой собственный образ. Начиная с ключевых деталей портрета («горбинк<a> носа» [471] Ахматовой; «короткий нос» [480] самой Одоевцевой) и завершая стилем поведения, усвоенным при общении с Гумилевым. Об Ахматовой (устаами Гумилева): «Она была дьявольски горда» [472]. О себе (после реплики Гумилева: «А теперь бегите за чаем!» [486]): «Он прислоняется к стене и закрывает глаза, а я бегу на кухню к Паше» [486].

Еще один прием, к которому прибегает Одоевцева, рассказывая о своей старшей современнице, это передача инициативы третьему лицу: большинство биографических сведений об Ахматовой мемуаристка вложила в уста Гумилева, косвенно превратив его в ответственного за их правдивость¹⁴.

Вот полный перечень этих сведений:

1. В первый год после свадьбы Гумилев подарил Ахматовой «большую коробку, обтянутую материей в цветы» [472], в которой лежали «шесть пар шелковых чулок, флакон духов “Коти”, два фунта шоколада Крафта, черепаховый гребень с шишками <...> и томик “Les amours jaunes” Тристана Корбьера» [472];

2. После того, как Гумилев женился на Ахматовой он «выдал ей личный вид на жительство и положил в банк на ее имя две тысячи рублей» [473];
3. Возвращаясь в Россию из Парижа после свадебного путешествия, Гумилев и Ахматова встретились с Сергеем Маковским. В коридоре поезда Маковский «вдруг задал ей ошеломивший ее вопрос: “А как вам нравятся супружеские отношения? Вполне ли вы удовлетворены ими?”» [473];
4. Ни собственной собаки, ни кошки у Ахматовой в период замужества с Гумилевым не было [473];
5. «Зато у Анны Андреевны был розовый какаду, тот самый» [473], упоминающийся в ее стихотворении «По аллее проводят лошадок...» (1911);
6. Первое стихотворение Ахматовой, «На руке его много блестящих колец...» было напечатано Гумилевым в 1907 г., в его журнале «Сириус», причем финал стихотворения Гумилев Ахматовой безуспешно «советовал вовсе отбросить» [474];
7. «Ахматова» — фамилия бабушки-татарки поэтессы [474];
8. Еще до замужества Гумилев приезжал к больной свинкой Ахматовой (тогда — Гуренко) в Севастополь. Когда Гумилев сказал Ахматовой, что она похожа на Афины Палладу, та решила, что это издевательство и обиделась [475];
9. Первая книга Ахматовой «Вечер» вышла в издательстве «Цеха поэтов» в 1912 г. Составляли ее Гумилев и Ахматова вместе [475];
10. У Гумилева сохранился экземпляр этой книги с инскриптом Ахматовой: «Коле. Потому что я люблю тебя, Господи!» [476];
11. Гумилев советовал Ахматовой подписывать стихи не псевдонимом, а настоящей фамилией. «Горе — лучше не придумать» [477];
12. Инициатива развода принадлежала не Гумилеву, а Ахматовой [477]¹⁵;
13. Ахматова и Гумилев, пока были женаты, любили играть в «Гуси-Лебеди»: «Придя домой, я по раз установленному ритуалу кричал: “Гуси!” И она, если была в хорошем настроении <...>, звонко отвечала: “Лебеди!”» [478]¹⁶;
14. Участники литературной студии при «Доме искусств» постоянно допытывались у М. Л. Лозинского: правда ли, что Гумилев «из зависти мешал Ахматовой печататься?» [480];
15. Мандельштам научил Леву Гумилева фразе: «Мой папа поэт, а моя мама истеричка!», и Ахматова заставляла сына помногу раз эту фразу повторять [481];
16. Гумилев не мог простить Ахматовой ее строку из стихотворения «Молитва» (1915): «Отыми¹⁷ и ребенка и друга» [484];
17. Ахматову обидела и раздражила рецензия Георгия Иванова на ее «Подорожник», напечатанная в журнале «Дом Искусства» [485];
18. В минуты нежности Гумилев называл Ахматову «маленький зуб» — «один из ее верхних зубов» был «неправильно посажен и короче других, и это трогало и умиляло его» [493];

Еще 5 сведений Одоевцева сообщает от себя:

19. Она запомнила Ахматову на панихиде по Гумилеву в часовне на Невском [486];
20. Наученная Георгием Ивановым, Одоевцева сделала слишком сдержанную надпись Ахматовой на своей книге «Двор чудес» («На добрую память»), и это Ахматовой не понравилось [491];
21. Ахматова рассказала Одоевцевой, что не любит аплодисментов на выступлениях, а «в начале» «их просто боялась» [491];
22. Зато Ахматова никогда не страшилась возвращаться одна домой «по совершенно пустым, глухим улицам» («Я знала, что Бог хранит меня и со мной ничего не может случиться») [492–493]¹⁸;
23. Ахматова не советовала Одоевцевой уезжать из России [494].

Разумеется, сравнительная ценность всех этих сведений разная. Возьмем хотя бы § 1 приводимого нами списка: информация о духах «Коти» и шелковых чулках, подаренных Гумилеву Ахматовой в первый год брака способна живо заинтересовать разве что так называемых «простых читателей», да еще, может быть, историков русской моды начала XX в.; а вот сведения о книге стихов Тристана Корбьера «*Les amours jaunes*» — филологов самой высокой пробы (в частности, Р. Д. Тименчик приводит их в своей фундаментальной монографии «*Анна Ахматова в 1960-е годы*»)¹⁹.

Сразу же стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что Одоевцева явно сделала ставку на эксклюзивность, неординарность сообщаемых ею биографических сведений. Исключение представляет собой лишь упоминание об ахматовской прабабушке Прасковье Федосеевне Ахматовой (по мужу — Мотовиловой) (§ 7), явно инициированное первой строкой стихотворения Ахматовой «Мне от бабушки-татарки...» (1917).

Подлинность целого ряда мелких и значительных фактов о жизни Ахматовой и Гумилева, перечисленных в книге Одоевцевой, подтверждается при сверке с документами эпохи. Так, А. А. Гумилева вспоминала, что из Африки поэт привез «красивого живого попугая, светло-серого с розовой грудкой»²⁰ (ср. § 5 приводимого нами списка сведений). О приезде Гумилева к больной свинкой Ахматовой в Севастополь (§ 8), сама поэтесса рассказывала П. Н. Лукницкому: «<Н>а даче у Шмидта у нее была свинка, и лицо ее было до глаз закрыто — чтоб не видно было страшной опухоли. Николай Степанович просил ее открыть лицо, говоря: “Тогда я Вас разлюблю”»²¹. Весьма многочисленны свидетельства современников, удостоверяющие, что развода, действительно, попросил не Гумилев, а Ахматова (ср. § 12 списка

сведений). В. С. Срезневская: «Сидя у меня в небольшой темно-красной комнате, на большом диване, Аня сказала, что хочет навеки расстаться с ним»²². П. Н. Лукницкий: «<К>огда Николай Степанович пришел к Срезневским, А<нна> А<ндреевна> провела его в отдельную комнату и сказала: «Дай мне развод...» Он страшно побледнел и сказал: «Пожалуйста...»»²³. Есть об этом и в записных книжках самой поэтессы: «Почему нигде и никогда <я> не прочла, что развод попросила я, когда Н<иколай> С<тепанович> приехал из-за границы в 1918 <году>»²⁴. Сама Ахматова сообщила Лукницкому и о том, что была на панихиде по Гумилеву в Казанском соборе (не в часовне — ср. § 19 нашего списка)²⁵. Лукницкий в дневнике со слов Ахматовой рассказывал и о ее бесстрашии (ср. § 22): «В дни февральской революции А<нна> А<ндреевна> бродила по городу одна («убегала из дому»). Видела манифестации, пожар охранки, видела, как князь Кирилл Владимирович водил присягать полк к Думе. Не обращая внимания на опасность, ибо была стрельба, бродила и выпитывала в себя впечатления»²⁶. Особенно же впечатляет сопоставление текста инскрипта Ахматовой Гумилеву на «Вечере», приводимого в книге Одоевцевой (§ 10 списка) с лишь недавно опубликованным подлинным текстом этой дарственной надписи: «Коле Аня. "... Оттого, что я люблю тебя, Господи!"»²⁷.

Правдивость некоторых других сведений из книги «На берегах Невы» подтверждается косвенно. Так, из мемуаров С. К. Маковского мы знаем о том, что он случайно встретился с Гумилевым и его молодой женой в поезде, отправлявшемся из Парижа в Петербург²⁸. Нам известна также возмущенная реакция Ахматовой на эти воспоминания главного редактора «Аполлона»: «<Р>азвязность его не имеет предела»²⁹. А потому мы можем предположить, что бестактный вопрос о «супружеских отношениях» был действительно задан Маковским новобрачной Анне Горенко на обратном пути из ее свадебного путешествия (§ 3). Информацию о том, что дебютную книгу «Вечер» Ахматовой помогал составлять Гумилев превращает в весьма правдоподобную следующий фрагмент из мемуаров поэтессы: «<К>огда 25 марта 1911 г. он вернулся из Адис-Абебы, и я прочла ему то, что впоследствии стало называться «Вечер», он сразу сказал: «Ты — поэт, надо делать книгу»»³⁰. К этому можно прибавить, что участие синдиков первого «Цеха поэтов» в составлении стихотворных книг членов объединения и вообще было нормой.

Пожалуй, единственное явное отступление от истины, встречающееся в посвященных Ахматовой фрагментах книги «На берегах

Невы», это следующая реплика, приписанная Одоевцевой Гумилеву (§ 17): «Представьте себе, Анна Андреевна возмущена, что в журнале «Дом Искусства» о ее «Подорожнике» появился недостаточно хвалебный отзыв Жоржа Иванова <...> Замятин почтительно заявил ей, что редакция здесь ни при чем — Георгий Иванов сам отвечает за свое мнение своей подписью. Но она, уже совершенно рассердившись, заявила: “Я знаю. Это все Колины проделки. Коля уговорил его не только высказаться обо мне, но еще и привести детский стишок, как будто в «Подорожнике» ничего лучшего нет. Это все Коля, не спорьте! Он виноват. Он все еще мстит мне”» [485]. Неувязка заключается в том, что описываемый разговор Одоевцевой с Гумилевым по ее собственному признанию пришелся на «весенний день» 1921 г. [479], а второй номер «Дома искусств» со злополучной рецензией Георгия Иванова на ахматовский «Подорожник» вышел из печати только в августе. Но даже если предположить, что Одоевцева ошиблась с месяцами, и ее разговор с Гумилевым состоялся в августе, ситуация не становится более правдоподобной: 3 августа Гумилев был арестован, 10 августа Ахматова об этом узнала, так что ни она разговоров, подобных выдуманному Одоевцевой, в августе вести бы не стала, ни Гумилев об их содержании не смог бы ничего узнать³¹.

Прагматика мемуаристики в данном случае предельно ясна: это был ответ на возмущившие Одоевцеву ахматовские воспоминания, напечатанные в «Воздушных путях», в которых Ахматова выставила Георгия Иванова «каким-то вралем, хвастающимся своей вымышленной близостью с Гумилевым и с ней». Сочинив за Гумилева жалобу на Ахматову, якобы ругавшую (и несправедливо ругавшую) бывшего мужа за участие в написании ивановской рецензии на «Подорожник», Одоевцева убивала сразу двух зайцев. Во-первых, она, как бы следуя за самой Ахматовой, показывала, что Иванов к Гумилеву был очень даже близок; во-вторых, подталкивала читателя усомниться и в других, развенчивающих Иванова, ахматовских мемуарных эскападах.

Получается, что из двадцати трех биографических сведений, сообщенных в книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» об Анне Ахматовой, сознательно недостоверным при проверке оказывается только одно, но принципиально важное, выгодное мемуаристке.

Сохранится ли сходное соотношение для всей книги? Этого сказать мы пока не беремся, но проверить это в обозримом будущем надеемся.

Примечания

- ¹ Ср., например, в письме Г. В. Адамовича к Ю. П. Иваску от 17 апреля 1960 г.: «Одоевцева... будет врать: о том, какие тайны ей поверял Гумилев» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску. Публикация Н. А. Богомолова // Диаспора. Париж—СПб., 2003. Вып. V. С. 535). Ср. в его же письме к Одоевцевой от 10 февраля 1962 г.: «Я прочел “На берегах Невы” с удовольствием, вниманием и всякими другими чувствами того же рода <...> Гумилев особенно. И о Ваших чувствах при лицезрении Ахматовой тоже» («Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой. Публикация Ф. Черкасовой // Диаспора. Вып. V. С. 590). Адамович подразумевал фрагмент, напечатанный в «Русской мысли» от 6 февраля 1962 г. Ср. в рецензии близкого друга Одоевцевой, Ю. Терапиано, на книгу ее мемуаров: «Анна Ахматова, Михаил Кузьмин <так! — О. Л.>, со своей непременной свитой, Корней Чуковский, М. Лозинский и другие “персоны” тогдашних “берегов Невы”, как живые, проходят перед нами» (Русская мысль. 1968. 1 февраля. С. 9). См. также: *Седых А.* На берегах Невы. Воспоминания И. Одоевцевой // Новое русское слово. [Нью-Йорк]. 1968, 25 февраля.
- ² *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.—Toronto, 2005. С. 712—713.
- ³ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 10.
- ⁴ Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001. С. 46.
- ⁵ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М.—Torino, 1996. С. 251.
- ⁶ Там же. С. 264.
- ⁷ Там же. С. 254.
- ⁸ Там же. С. 267.
- ⁹ Там же. С. 363. Приведем еще один фрагмент из записных книжек Ахматовой: «...кого-то в Париже чрезвычайно устраивала легенда о моей ревности <...> Идет ли это от Веры, или Лизы, или Одоевцевой, не все ли равно» (Там же. С. 313).
- ¹⁰ «...Я не имею отношения к Серебряному веку...» Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956—1975) / Публикация О. А. Коростелева и Ж. Шерона // In *Метопат*. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.—Париж, 2000. С. 505. Эпизод с копеейкой из мемуаров Иванова подробно проанализирован в книге: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 326—327.
- ¹¹ Ср. в письме Одоевцевой к В. Ф. Маркову от 12 марта 1965 г.: «<Я> совершенно согласна с Вами насчет Ахматовой, но, конечно, держу свое мнение про себя. А то скажут: “Завидует бедная богаделка”. Для меня Ахматова кончилась в 22-ом году. Остального могло бы и не быть, хотя им как раз и восхищаются самозабвенно» («...Я не имею отношения к Серебряному веку...». Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956—1975). С. 500—501).
- ¹² *Одоевцева И.* На берегах Невы // Русская мысль. 1964. 26 сентября. С. 7.
- ¹³ Здесь и далее книжный вариант «На берегах Невы» цитируется по, увы, очень небрежно приготовленному изданию: *Одоевцева И.* На берегах Невы. На берегах Сены. М., 2007, с указанием номера страницы в скобках.

- ¹⁴ Впервые опробован этот ход был еще в газетном варианте: «Я передаю то, что слышала от Гумилева, но не ручаюсь, что он не стучал краски. Ведь не только Шилейко ревновал Ахматову к Гумилеву, но и Гумилев ревновал Ахматову к Шилейко и, конечно, не мог судить о нем беспристрастно» (*Одоевцева И.* На берегах Невы // *Русская мысль.* 1964. 26 сентября. С. 7).
- ¹⁵ Ср. в рецензии Одоевцевой на американское собрание сочинений Гумилева: «Гумилев действительно вернулся в Петербург в мае 1918 г. и вскоре же, — по желанию Анны Ахматовой, — произошел его развод с ней» (*Новый журнал.* [Нью-Йорк]. 1966. № 84. С. 285).
- ¹⁶ Отметим, что игра, в которой участники обмениваются обращениями «Гуси!» — «Лебеди!» пользовалась популярностью еще в годы раннего детства автора настоящей заметки. Отсылку к этой игре находим и в следующих строках восьмистишия Мандельштама 1931 года: «Иль встретишь воз с поклажей из подушек // И скажешь: гуси-лебеди, домой!»
- ¹⁷ У Одоевцевой — «Отними» [484].
- ¹⁸ Об этом же Одоевцева кратко писала в том отрывке из своей будущей книги мемуаров, который был опубликован при жизни Ахматовой. См.: *Одоевцева И. В.* На берегах Невы // *Мосты* (Мюнхен). 1962. № 9. С. 112—113.
- ¹⁹ *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 611.
- ²⁰ *Гумилева А. А.* Николай Степанович Гумилев // *Жизнь Николая Гумилева.* Воспоминания современников. Л., 1991. С. 73.
- ²¹ *Лукницкий П. Н.* Аcutiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924—1925. Paris, 1991. С. 147.
- ²² *Срезневская В. С.* Дафнис и Хлоя // *Воспоминания об Анне Ахматовой.* М., 1991. С. 16.
- ²³ *Лукницкий П. Н.* Аcutiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 144.
- ²⁴ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). С. 251.
- ²⁵ *Лукницкий П. Н.* Аcutiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 53. Ср.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). С. 223.
- ²⁶ *Лукницкий П. Н.* Аcutiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 96.
- ²⁷ Н. Гумилев. А. Ахматова. По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 116 (Публикация В. А. Шошина).
- ²⁸ *Маковский С. К.* Николай Гумилев // *Николай Гумилев в воспоминаниях современников.* М., 1990. С. 59, 83.
- ²⁹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). С. 342.
- ³⁰ Там же. С. 251.
- ³¹ О том, что приведенный в этом абзаце нашей заметки и в мемуарах Одоевцевой монолог Гумилева был вымышлен самой авторшей книги «На берегах Невы» доказательно пишет в одной из своих еще не опубликованных работ Р. Д. Тименчик. В этой же работе он цитирует то письмо Гумилева к К. И. Чуковскому от 27 марта 1921 г., в котором синдик «Цеха поэта» настоятельно рекомендует Чуковскому напечатать рецензию Г. Иванова на «Полдорожник». Пользуюсь случаем и благодарю Романа Давыдовича Тименчика за предоставленную возможность ознакомиться с текстом его статьи.